

**Проявление
этнической идентичности
в адыгейской прозе**

Гучетль Зухра Хачмафовна

*Кандидат социологических наук, старший научный
сотрудник отдела философии и социологии Адыгейского
республиканского института гуманитарных исследований
имени Т. М. Керашева, г. Майкоп, Россия.
Электронная почта: zuchraguchetl@mail.ru.*

**The Manifestation
of the Ethnic Identity
in the Adyghe Prose**

Zukhra Kh. GUCHETL'

*Cand. Sci. (Sociology of Culture and Spiritual Life),
Senior Researcher, Department of Philosophy
and Sociology,
Adyghe Republican Institute of Humanitarian Studies,
Maykop, Russia.
E-mail: zuchraguchetl@mail.ru*

Аннотация

В современный период стремление к осознанию своей принадлежности к определенной этнической общности признается одним из необходимых условий существования человечества. В данной статье автор рассматривает отражение этнической идентичности в адыгейской литературе, а именно творчество адыгских писателей Тембота Керашева и Юнуса Чуюко.

Ключевые слова: этничность, идентичность, литература, произведения, адыгейская литература, творчество, отражение, национальное.

Abstract

In the modern period the desire to realize one's belonging to a certain ethnic community is one of the necessary conditions of human existence. In this article the author considers the reflection of ethnic identity in Adyghe literature — namely creativity of the Circassian writers Tambot Kerashev and Yunus Chuako.

Keywords: ethnicity, identity, literature, works, Adyghe literature, creativity, reflection, national.

В конце XX — начале XXI вв. во многих отраслях науки — в культуре, философии, искусстве, социологии, литературе — громко заявили о себе процессы, связанные со всплеском интереса к этнической идентичности. В России этой проблемой также активно занимаются многие ученые, которые исследуют этот феномен в социально-философском, социокультурном, политическом аспектах, рассматривают сущность, содержание и технологии формирования этноидентичности, инструменты, факторы ее сохранения и причины трансформации в эпоху глобализации, средства переживания.

Актуальность исследования данной проблемы, связанного с этнической идентичностью современного человека в условиях глобализации, постоянно возрастает. Основные этнические признаки возникли благодаря разнообразию природных условий бытия человека и вытека-

ющему из них разнообразию видов и характера трудовой деятельности, уклада общественных отношений, отличию ценностных ориентаций и т. д.

В настоящее время стремление к осознанию своей принадлежности к определенной этнической общности признается одним из необходимых условий существования человечества. Поэтому приоритетные исследования современных ученых во всем мире все более смещаются в область национальной идентичности. «В современном мире одним из аспектов стабильности социальной системы выступает этнокультурный потенциал общества» — отмечает молодой исследователь в сфере межэтнических отношений О. И. Кускарова, которая на конкретном эмпирическом материале проанализировала показатели, характеризующие состояние и развитие этнокультурной идентичности населения Республики Адыгея [3, с. 159].

Большое значение для изучения этнической идентичности приобретает литература. Помимо того что литература используется как источник иллюстраций при исследованиях национальной идентичности политологами, культурологами и социологами, она фиксирует и формирует представления о национальной идентичности, и, разумеется, показателен сам выбор художественных средств, с помощью которых в литературе проявляется национальное начало. Категория же национальной идентичности, в свою очередь, служит способом понимания литературного процесса и отдельного произведения, категорией, все более востребованной в сегодняшней науке о литературе [1, с. 69].

Литература не обладает объективностью в научном осмыслении, тем не менее, она может быть надёжным источником для изучения проблемы этнической идентичности, поскольку обладает особой, художественной

достоверностью и своей особой объективностью. Такая объективность связана, во-первых, с тем, что любое литературное произведение является продуктом работы авторского сознания. Многие из писателей пережили личностный кризис идентичности, который стал частью их творческого сознания и нашёл отражение в созданных ими романах, новеллах, стихах. Во-вторых, многие писатели совершенно сознательно отражают эту проблему в своих произведениях и предлагают различные модели межкультурной коммуникации. Характер таких моделей, как правило, обусловлен идеями и представлениями той национальности или этнической группы, к которой принадлежит автор, его философской или мировоззренческой позицией.

Основоположник адыгейской литературы Т. М. Керашев во всех своих произведениях тонко отражает этническую идентичность в целях сохранения этноса в будущем. Он полагал, что важнейшим стимулом социальных изменений должен стать национальный фактор. Духовное строительство, развернувшиеся в Адыгее, означало обращение к истокам, к истории народа, к этническим традициям и ценностям, к родному языку.

Изображая современную ему действительность, писатель постоянно следит за тем, как на национальной почве вырастают герои дня, призванные жить и работать в незнакомом обществе — социалистической действительности, более того, они становятся его строителями. Удачен опыт строительства нового мира или нет, не нам судить, но прогрессивность идей социализма неоспорима и, возможно, человечество не навсегда откажется от неё. Но герои книг Тембота Керашева восприняли самую суть этой идеи и обнаруживали каждый раз тесную связь принципиальных основ социализма с проверенными временем, рож-

дёнными в глубинах исторической жизни традициями адыгского народа, обобщёнными в кодексе «адыгэ хабзэ». В результате перед нами свидетельство становления зрелого метода реалистического отражения жизни.

Произведения на историческую тему Т. Керашева занимают особое место в национальной литературе. Писатель понимал, что прошлое адыгов, накопленный ими духовный опыт имели не только самоценное значение. Чтобы убедить в этом каждого, необходимо было в образной форме представить народ как национальный феномен, с его неповторимым самобытным обликом. Иные могли упрекать Т. Керашева в отходе от современности, в национальной узости и излишнем этнографизме. Однако своими произведениями он продемонстрировал, что в отрыве от родного языка, национальной истории, природной души не может быть подлинной культуры [4, с. 10].

Роман Т. М. Керашева «Одинокий всадник» — является моральным кодексом адыгской культуры. Этнографические включения в роман не только информативны: Т. Керашев их использует для воссоздания изображаемой эпохи. В романе подробно описано о мужской половине адыгского общества, но главное его назначение — художественное. Тот факт, что герой Залоко Ерстэм предстает образцом адыгского всадника, говорит о том, что автор видит в нем положительного героя, близкого к идеалу. В дальнейшем развитии сюжета внешние, а также психологические характеристики Ерстэма становятся дополнением к тому образу адыгского всадника, который рисуется автором в начале романа. Таким образом, моменты романа составляют часть целого, продолжают, конкретизируют главную сюжетную линию произведения. Ту же цель преследует автор, подробно описывая внешность раба (унаута), подчеркивая контраст между фокотлем (свободным крестья-

нином) и унаутом (рабом). Здесь Т. Керашев утверждает свою идею о том, что основным качеством в характере адыга всегда было достоинство, которое проявилось не только в поступках, в мыслях и деяниях, но и во внешности: осанке, одежде и т.д. Живописуя характер каждого сословия, Т. Керашев умеет увидеть черты племени в целом. Например, рассуждая об особенностях характера темиргоевца, он одновременно решает две задачи: знакомит читателя с темиргоевцами как этносом (этнографическая сторона) и раскрывает национальный характер адыгов, руководствуясь принципом движения от единичного (темиргоевцы) к целому (адыги). Кроме того, Т. Керашев использует контрастные изображения (орки — фокотли, княжеская Темиргоя — свободная Абадзехия).

Подробное описание кунацкой (хьак1эщ) Батыма дает автору возможность заключить, что посещаемость кунацкой являлась показателем популярности бысыма (хозяина). Залоко Ерстэм, рассматривая обстановку (быт: двор, дом, утварь), определяет социальный статус хозяина — место, которое «бысым» занимает в обществе. «А этот бровастый парень, по всему видно, хороший работник», — подумал Ерстэм» [2, с. 48].

После осмотра конюшни и кунацкой Ерстэм заключил: «Видно, немного гостей у него бывает — значит, неизвестен еще этот парень среди адыгов» [2, с. 49].

Т. Керашев включает в роман этнографические реалии различным способом. Конечно, очерк здесь незаменим, но писатель мастерски использует диалоги в котором тонко отображены элементы этнической идентичности. Например, беседа Ерстэма и Батыма воссоздает этнографический портрет ногойцев (их социальный уклад, обычаи и т.п.).

Эти примеры свидетельствует также о большом информационном поле романа с точки зрения истории

и этнографии. Насыщенность романа этнографическими подробностями местами придаёт повествованию идентификационно-очерковый характер. Но этнографические отступления помогают писателю во-первых воссоздать, дух, атмосферу эпохи, во-вторых, становятся средством раскрытия характера, в-третьих, что важно для новописьменных литератур, воспроизводят неписанную историю (быт, нравы, традиции и обычаи, одежды) адыгов данной эпохи.

Описанием поведения в танце героя, сопоставлением абадзехского и темиргоевского танцев автор рисует характер народа. Описание танца сопровождается бурей чувств, испытываемых героем. Танец одной девушки внешне однообразен и многозначен. Сколько чувств, сколько информации в этот танец способна вложить такая девушка как Суанд?! Мастерски исполненный танец свидетельствует не только об искусстве девушки, но и о её душевном богатстве, уме, которые проявились в танце.

Авторские оценки и далее носят эпический характер: «Величавая, уважительная сдержанность и плавность движений — таков был танец адыгов. Надо полагать, они рассуждали так: достигнутая мечта уже не мечта. Натянутая тетива внушает больший страх, чем спущенная стрела. Если в буйном танце вывернешь себя, то ждать от тебя нечего будет» [2, с. 63].

Знание и соблюдение «адыгагъэ» как критерия нравственной высоты героя являются особенностью идейно-художественной концепции творчества Т. Керашева, уходящего корнями в моральный кодекс адыгов. Т. Керашев с уважением и большой симпатией относится к героям, соблюдающим, несмотря ни на какие трудности и обстоятельства, адыгэ хабзэ.

В адыгейской литературе также определённое место занимает творчество писателя Юнуса Чуюко. Этно-идентификации писателя связана с категорией адыгейского национального характера. Прежде всего, сам автор, являясь представителем народа, формируется под влиянием его культурных стереотипов и несет в себе все установки национальной психологии. В произведении они могут проявляться не только через обращение писателя к адыгской этно-действительности как таковой, но и через систему образов, все технические средства. В работе автора исследуется считающееся традиционным для адыгского национального характера сочетание его противоположных начал. Двойственность авторского восприятия окружающей действительности проявляется в романе «Сказание о Железном Волке» через особую композицию и внутреннюю противоречивость образов.

Роман Ю. Чуюко «Сказание о Железном Волке» глубоко отражает элементы этнической идентичности. Профессор Ф. Хуако пишет: «Сказание о Железном Волке — не единственная народная сказка, помогающая писателю донести свои мысли, свои тревоги, свою боль до сердца читателя. Все повествование наполнено лучезарным светом народных преданий, притч, легенд, обычаев и сказаний. Фактически, повесть, как и весь роман, целиком состоит из произведений устного народного творчества, органично вплетенных в повествование. Художественная структура произведения напоминает прекрасное ожерелье из драгоценных камней, каждый из которых искрится и манит по-своему, и ни один из них не похож на другой» [6, с. 135]. Здесь нельзя не согласиться с Ф. Хуако. На самом деле роман «Сказание о Железном Волке» открывает возможность для социокультурного исследования национальной жизни на

протяжении нескольких десятилетий. «Это — проблемы национального самосознания и древний кодекс поведения и чести адыгов, это взаимоотношение истории и сложной современной жизни, роль народных художественных традиций и современного искусства, лиризм и многое другое. Вместе с тем в романе живет давняя и недавняя злободневность бытовой и политической жизни, современные идеи Кавказа, взаимоотношения адыгов и других народов, решаются проблемы семейного устройства» [9, с. 124]. В самом начале романа автор Юнус Чуюко завязывает весьма сложный, нравственный конфликт вокруг «адыгства», вокруг нравственных норм, отраженных на историю и современность. Адыгство — емкое, исторически протяженное понятие и, конечно, не застывшее. На нем скрещиваются и из него берут начало многие проблемы. Вот, например эта: равно ли понятию адыгства национальной идентичности? У героев вопрос: Или ты уже не адыг? — прежде всего, будит воинственную память предков. Исчерпывается ли этим национальная идентичность? Честь, достоинство, уважение к уму и порядочности? А трудолюбие, дар творчества, созидательный талант? Как они живут в национальном самосознании сегодня, как жили вчера? Вот вопросы, которые вместе с героями автор решает чрезвычайно последовательно на протяжении всего произведения...

Герой романа Хаджекыз является главным носителем философского ядра и национального самосознания. «Он — сама жизнь с ее мудростью, терпимостью и всепониманием. Он — сердце свободное, гордое и горячее, не погашенное годами всех страданий и бед, выпавших на долю человека на земле адыгов. Именно Хаджекыз посвящает читателя в песни, сказания, притчи и афоризмы народа, в его мастерство (будь это изготовление папахи или

плетни), в его педагогический талант (воспитание ребенка от люльки, привитие законов «Адыгэ хабзэ» молодым), в его художественное творчество (главы «Хачеш», «Чапш»), в танцы и таинства природы...» [9, с. 128].

Хаджекыз придумал для своего любимого внука Сэта, весьма интересную форму воспитания любви к коню, а через нее — сострадания ко всему живому и мужества в преодолении личных слабостей и общественных бед, неурядиц. Дедушка подарил внуку чалого коня Дуль-Дуля и учил за ним ухаживать, напоминая о коне всякий раз. Всякий раз дедушка Хаджекыз устраивал внуку Сэту психологические разминки — дальше начинался урок, который часто переходил в экзамен.

«— Слушай! — начинал вдруг дедушка нарочно вкрадчивым голосом. — Я забыл: какой пароды твой конь?

— Мой Дуль-Дуль?

Так его зовут?— словно себя, а не меня проверял дедушка.

— Дуль-Дуль, да.

— Хорошее имя для лошади, ы?.. Хорошая кличка. Должно быть, и конь у тебя хороший — так называли только богатырских нартских коней!» [8, с. 71–12]. Не случайно дедушка подарил внуку именно этого коня. По рассказам деда, у коня был легендарный хозяин — Одинокый всадник Исламей, символ мужества и великодушия. Хаджекыз ведет внука к могиле богатыря прощаться с дубом, под которым похоронен Исламей. Дедушка Хаджекыз прилагает все усилия, свой авторитет, свою мудрость в воспитании внука. Здесь автор Ю. Чуяко, открывает те секреты воспитания, которые помогли бы родителям и сегодня. Такие, например, относящиеся к адыгским традициям, как уважение к старшим, прежде всего по обычаю,

не рассуждающее, автоматическое уважение, а затем уже осмысленное...

К национальной тематике, мы можем отнести географическое местоположение, обычаи, особый способ мышления, национальный характер, даже ремесло, которым занята нация. «Без местных красок и без национальных обычаев, мыслей, национальности характеров в действующих лицах, — писал Н. Г. Чернышевский, — нет ни вида реальности — правдоподобия — в действии, ни осязательности в действующих лицах» [7, с. 327]. Правда жизни и правда времени — необходимые моменты национальной специфики литературы, вообще искусства. От бытовой неточности идет и приблизительность в психологической обрисовке характеров. Адыгский литературовед А. Схаляхо пишет: «Не изобразив точно, скрупулезно, до мельчайших подробностей быт народа, его обычаи и нравы, его одежду и жилище, нельзя показать и бытие народа, а без этого в свою очередь, нет и национальной специфики» [5, с. 53]. Правдиво показать бытие народа, поставить героя в обстоятельство определенного времени, исследовать характеры в полном соответствии с временем, в котором жил герой, — важнейшие элементы этнической идентичности в литературе.

Таким образом, по отношению к национальной действительности в адыгейской литературе этническая идентичность (быт, характер, и т. д.) выступает как форма отражения этой действительности. В этом отношении правдивость показа жизни народа достигается адыгскими писателями разнообразными художественно-изобретательными средствами, многими деталями, отражающими своеобразие исторической жизни, особенностями национального характера, быта, нравов адыгов, их этическими и эстетическими представлениями. Именно, они

и составляют оригинальность адыгейской литературы, ее национальное своеобразие.

Использованная литература:

1. *Гарушьян С. А.* Проблема национальной идентичности в эссеистике Джона Фаулза // Известия Саратовского университета. Сер.: Филология Социология. Политология. 2009. № 3. Т. 9. С. 68–71.
2. *Керашев Т. М.* Избранное. Майкоп: Адыгейское республиканское кн. изд-во, 1997.
3. *Кускарова О. И.* Специфика межэтнического взаимодействия в полиэтническом регионе: по материалам эмпирического исследования // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2013. Вып. № 2. С. 159–162.
4. *Панеш У.* Писатель, веривший в прогресс // Керашев Т. Избранное. Майкоп: Адыгейское республиканское кн. изд-во, 1997. С. 3–9.
5. *Схалыхо А. А.* О национальном и интернациональном в литературе // Проблемы адыгейской литературы и фольклора. Майкоп, 1991. Вып. 8. С. 47–61.
6. *Хуако Ф. Н.* Чужая или все-таки наша боль? // Литературная Адыгея. 2007. № 4. С. 133–135.
7. *Чернышевский Н. Г.* Полное собрание сочинений: в 15-ти т. М.: Гослитиздат, 1949. Т. 12. С. 328–387.
8. *Чуяко Ю. Г.* Избранные произведения: в 3-х т. Майкоп: Адыгейское республиканское кн. изд-во, 2011. Т. 2: Сказание о Железном Волке: роман в 2 ч.; рассказы.
9. *Шибинская Е. П.* Юнус Чуяко // История адыгейской литературы: в 3-х т. Майкоп: Адыгейский республиканский ин-т гуманитарных исследований, 2006. Т. 3. С. 118–146.